

18+

Любовь Даниловна
Калинкина

**ПОДНИМАЕТ И БРОСАЕТ.
ЖИЗНЬ**

МИНИАТЮРЫ

Любовь Калинкина

Поднимает и бросает.

Жизнь. Миниатюры

<https://litres.ru/74429248>

ISBN 9785007117890

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

В этот сборник вошли миниатюры, написанные на основе реальных дел, событий.

Каждая из них отражает то, что в историях разных лиц не могло не тронуть до глубины души, дойти до самого сердца. Они заставляют вместе с героями моих миниатюр размышлять над самой сокровенной темой — темой о том, какова она, жизнь. Как она может и вознести высоко, и опустить низко. Как в ней бывает больно, невыносимо больно. И как важно при любых обстоятельствах искать выход, подняться с колен и жить дальше.

Содержание

Предисловие	5
Цикл I. Суд и те, кто вершит	6
Противники	7
Сон в руку	9
Судил надменно	11
Слыть — еще не значит быть	12
Миражи	13
Адвокат и судья	14
Манифест нравственного правосудия	15
Цикл II. Расплата	17
Бог. Храм. Икона. Спасение	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Поднимает и бросает. Жизнь Миниатюры

**Любовь Даниловна
Калинкина**

© Любовь Даниловна Калинкина, 2026

ISBN 978-5-0071-1789-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В этот сборник вошли миниатюры, написанные на основе реальных дел, событий. Каждая из них отражает то, что в историях разных лиц не могло не тронуть до глубины души, дойти до самого сердца. Они заставляют вместе с героями моих миниатюр размышлять над самой сокровенной темой — темой о том, какова она, жизнь. Как она может и вознести высоко, и опустить низко. Как в ней бывает больно, невыносимо больно. И как важно при любых обстоятельствах искать выход, подняться с колен и жить дальше. Несмотря ни на что. Вопреки всему. Ради самой жизни.

Цикл I. Суд и те, кто вершит

Мантия греет спину, но не душу. И когда её снимают — остаётся только человек. Со всеми страхами, которые он привык раздавать другим.

Противники

Он, прокурор, был ярым и непримиримым противником адвоката. В суде они неоднократно оказывались по разные стороны. Никогда и ни в чём не принимал он доводы адвоката — всегда их отвергал. Даже когда тот по закону просил учесть в обвинительной позиции все смягчающие обстоятельства подзащитного. Прокурор не соглашался и тогда, когда он незаконно завышал квалификацию содеянного. Адвокат же был настойчив. Каждый раз он находил всё новые аргументы против прокурорской позиции. Был человечен, взывал к милосердию. Никогда не бросал клиента, не сдавался, ни разу не был сломлен прокурором. Терпеливо, грамотно выстраивал защиту. Прокурору не всегда хватало терпения: подчас он срывался на раздражение, допуская недостойные выпады. А адвокат как воин сражался за доверителя. Он оставался для того единственной надеждой. Подзащитный верил ему и был благодарен за то, что его слушали, слышали, поддерживали. Помогали справиться с тем, что выпало на его долю. В душе прокурор адвоката уважал. И однажды случилось то, что перевернуло всё. Тот, кто всегда лишь обвинял, сам оказался в роли обвиняемого. Он взял деньги у родственника подсудимого, пообещав за это условное осуждение. Мошенничество стало для него катастрофой, позором. Коллеги-прокуроры отвернулись с презрением, от него

все ушли. Собственный мир рухнул. И тогда он вспомнил об адвокате. О том, кто всегда только защищал — честно и добросовестно. И пришёл к нему за помощью. Перед адвокатом предстал не прокурор, а простой человек со своими слабостями и грехами. Тот, кто не совладал с соблазном. Он не просил о поблажках — он просил спасти его душу. И адвокат, его процессуальный противник, стал для него юридическим доктором. Ему он излил душу, выплакался, исповедался. Адвокат стал его духовником и спасателем — вытащил из бездны. Выстроил защиту, нашёл смягчающие обстоятельства, добился справедливого наказания без сломанной судьбы. После этого бывший прокурор знал: он всё выдержит. Встанет на праведный путь и продолжит жить честно. А адвокат — его защитник — поможет ему в этом. С ним не страшно.

Сон в руку

Всю жизнь он был судьёй. Не просто работа — а власть над судьбами. Когда ты в мантии, ты только решаешь. И вот ему снится сон: он адвокат. Ходит по коридорам, где сам же недавно вершил правосудие. Теперь здесь другие судьи — его бывшие коллеги. Он ловит их взгляды: снисходительные, высокомерные. «Ты теперь не наш». Пишет заявления, ждёт у кабинетов, собирает справки. Голос стал тише. Плечи — уже. Ему говорят: «Оснований нет, отказать». Он кивает. Благодарит. Проснулся в холодном поту. Сердце колотится. Рука сама тянется к мантии — на месте? Здесь. Слава богу. Он дома. Он судья. Утро. Он одевается особенно тщательно. Мантия отглажена. Входит в здание суда — и чувствует, как мир снова становится правильным. Секретарша кланяется. Охранник открывает дверь. Свои. В кабинете на столе лежит конверт. Он вскрывает небрежно — привык, что ему приносят только бумаги, чтобы он разобрался и решил. Но это иск. Прокурорский. На пяти листах. Цифры: три дома, пять машин, две квартиры, деньги на счетах. И напротив — скромная строчка: его зарплата за двадцать лет. Он не верит глазам. Перечитывает. Нет, всё верно. «Прошу обратить в доход государства имущество, нажитое незаконным путём». Сначала — пустота. Ни страха, ни гнева. Просто белый шум в голове. Потом — холод. Такой, как бывает, когда термо-

метр падает резко и надолго. Он смотрит на свои руки. Те самые руки, которые подписывали приговоры. Сейчас они мелко дрожат. Вспоминает сон. Тот взгляд коллеги. Снисходительный, высокомерный. «Ты теперь не наш». Он тогда во сне подумал: «Хоть бы это никогда не случилось наяву». И вот оно случилось. Только хуже. Адвокат хоть просит. А он теперь — ответчик. Тот, кого судят. И бывшие коллеги уже смотрят на него не как на своего. Он закрывает дверь кабинета. Садится. Не звонит ни жене, ни адвокату — с адвокатами он никогда особо не считался. Просто сидит и смотрит в окно. Судья, у которого больше нет суда. Человек, который всю жизнь взвешивал чужие судьбы — и не заметил, как чаша весов повернулась против него. Сон был в руку. Всё, что было нажито непосильным трудом, обратили в доход государства. А он лишился мантии.

Судил надменно

Он судил неистово, жёстко, жестоко. Так, будто вымещал на нём всю свою накопившуюся злобу. В том числе и за то, что по жизни осуждаемый оказался удачливее, богаче, успешнее. Своим судом он хлестал его за собственные неудачи и обиды. Судил без милости, без милосердия. Пожалуй, даже не судил — а избивал. Бил беспощадно и за то, что было, и за того, чего не было. Осуждаемый страдал от этого несправедливого суда. Ему было невероятно больно — от злобных слов, от издёвок, от откровенной мести. Он не просил снисхождения, участия, понимания. Он терпел и молча выносил всё. И ждал, когда это закончится. И когда терпеть уже стало совсем невозможно, пришла весть: тот, кто его судил, сам стал осуждаемым.

Слыть — еще не значит быть

Долго. Слишком долго он был судьей. То в одном суде, потом в другом, повыше, вершил он суд. А затем и в самом верховном. Мантию носил. Законы толковал. Уму-разуму учил. И мудрость изрекал в трудах учёных. Почитали. Уважаем был. На совещаниях вещал о том, как различать ошибку от нарушения закона. И как недозволительно его, закон, всем нарушать. А оказалось, судьёй он слыл, а был он тем, кто сам и нарушал закон. Другим судом был признан коррупционером. Лишён всех званий и регалий. Должности лишен. Так был ли суд, где в тех судах так долго в мантии судьи он восседал?

И что это за суд?

И почему долго в нём никто коррупционера не видел?!

Миражи

Он был тем, кто с других требовал жить по закону и держаться норм морали. Нарушивших закон судил сурово.

Совершивших аморальные поступки — осуждал. Речи говорил правильные. Призывы произносил подобающие. Выступления его были образными и напичканы цитатами о совести и справедливости. И всякий раз он апеллировал к закону. Цитировал его нормы. Их демонстрировал. Иллюстрировал последствия нарушений. И взывал, взывал к законности и нравственности. А в это время он не требовал того же от своих друзей, близких знакомых, родных. Допускал в отношении них вольности по отношению к закону и морали. Им возможны были послабления и в части дисциплины, и в части строгости соблюдения правовых норм. К ним он не был так строг, как к другим. И не был требователен. А ещё не отказывался от просьб в их пользу — у каждого, от кого зависело принятие того или иного решения. Так и жил по двойным стандартам: строг и справедлив в отношении одних, нетребователен и лоялен (а лишь извинителен) в отношении других. Миражи законности, справедливости и нравственности.

Адвокат и судья

Судья — должность возвысила его в собственных глазах. У него изменилась походка. Он не шёл — шествовал. Голос зазвучал безапелляционно и поучительно. Взгляд важный. Голову держал высоко. Всем своим видом показывал: кто он и что он судья. Адвокат — он был прост в общении. Доступен для каждого нуждающегося. Говорил тихо и уважительно. Деликатно и терпеливо выслушивал. Выражал готовность помочь. Сочувствовал, сопереживал. Как добрый доктор: после него становилось легче. Они встречались в суде. Один просил и убеждал. Другой отказывал. Адвокат снова просил и приводил новые доводы. Судья, раздражаясь, вновь отказывал. И выносил решения — суровые. Адвокат обжаловал в неустанной надежде по закону их смягчить. Только лишившись мантии, судья стал другим. Когда он обратился за защитой, адвокат увидел в нём обычного человека, которому нужна была не только правовая помощь, но и элементарное человеческое соучастие в его беде. Бывшему судье не хватало милости и милосердия по отношению к нему — того, чего он сам лишал других, будучи в судейской мантии.

Манифест нравственного правосудия

Нравственный суд — это когда судья сам нравственный и совестливый. Он живёт в святости нравственных заповедей как для себя, так и для своего суда. Его нравственный кодекс служит оберегом от всего аморального. Совесть для него — мерило добра и зла, беспощадный внутренний контролёр, который не позволяет совершить бессовестный поступок. Нравственный суд — это где жёстко, но по закону, а не жестоко. Это где сурово, но соразмерно тому, кто что заслужил, и сообразно тому, что он сделал. Это где царит спокойный, вдумчивый подход к рассматриваемому делу. Где обеспечивают всеми правами, выслушают, вникнут, оценят и примут решение без отрыва от установленных обстоятельств, на основе доказательств и по закону. В таком суде нет крика, нет раздражения судьи. Участники процесса ведут себя достойно и по законным правилам. Их отличает уважительное отношение друг к другу. В таком суде ни при каких обстоятельствах не забывают о милости и милосердии. В нём нет судилища, а есть суд с человеческим лицом, где помнят: перед судом — человек, которого и закон призывает судить с полным учётом и того, что в нём есть, и того, что смягчает его долю. Помнить о его детях, о стариках-родителях, о немощных иждивенцах. В здравии ли он сам пребывает или страдает тяжёлыми недугами. Есть ли на его счету

благие дела и дают ли они право надеяться на его исправление при снисхождении к нему.

Цикл II. Расплата

Земной суд заканчивается приговором. Небесный — начинается после. И у него нет срока давности.

Бог. Храм. Икона. Спасение

В чистом поле стоит храм. Кругом поле, рядом река, тихая березовая роща...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.